

Когда Цзянь Минну на своей спине вынес из ущелья раненого Цзянь Сюэхэ, их уже ждали. Ученики Ордена Хуафэн и слуги Поместья Цзян плотным кольцом обступили юношей. Стоило Сюэхэ оказаться на руках лекарей, как он тут же лишился чувств. Минну, измученного и едва державшегося на ногах, вместе со всеми увели обратно в поместье.

— Молодой господин, вы целы?!

Встретивший его Ванчунь взволнованно осмотрел Минну с ног до головы и, лишь убедившись, что на том нет ни царапины, облегчённо выдохнул.

— Няня себе места не находила от страха. Вот увидите, теперь она засыплет вас упрёками.

— Всё хорошо, я сам ей всё объясню, — тихо отозвался Минну.

Вести разлетались быстро. Цзянь Сюэхэ пребывал в глубоком беспамятстве, и, судя по всему, на этот раз его раны оказались куда серьёзнее, чем в прошлой жизни.

Минну не пострадал, но он прекрасно понимал: госпожа Цзянь непременно призовет его к ответу. Предчувствие не обмануло юношу — в тот же день за ним прислали слугу.

— Молодой господин Минну, госпожа Цзянь ожидает вас в главном зале.

От волнения ладони Минну покрылись холодной испариной. Собравшись с духом, он переступил порог покоев. На этот раз заступника рядом не было — госпожа пожелала говорить с ним с глазу на глаз.

Лишь у дверей застыла безмолвной тенью Чуньлань. Лицо её, как и всегда, оставалось бесстрастным, не выражая ни капли сочувствия.

— Вы попали в беду у источника Лицюань, и лишь благодаря твоей преданности, Минну, Хэ-эр вернулся домой. Сам-то ты не ранен?

— Матушка, ваш сын цел и невредим, — Минну низко склонил голову. Он чувствовал себя виноватым за то, что уцелел, пока любимый сын госпожи истекал кровью, и всем сердцем боялся её гнева.

— Мне донесли, что именно ты отыскал Хэ-эра. То место скрыто от людских глаз... Как же тебе удалось его найти? — голос госпожи Цзянь звучал ласково и мягко, но её узкие, прищуренные глаза смотрели пронзительно и остро. Воздух в комнате казался тяжёлым, давящим.

Минну предвидел этот расспрос и успел подготовиться по дороге. Он скользнул рукой за пазуху и достал костяной амулет — ту самую фалангу пальца, что оставила ему болотная дева.

— По пути меня околдовала какая-то девица... Я помог ей, и она вызвалась указать дорогу. Но в тумане я всё равно заблудился, а когда пришёл в себя, оказался в подземном дворце, где и отыскал брата Хэ. Лишь тогда я понял, что та девица была призраком. Не знаю, почему она пощадила меня...

Он запнулся на мгновение, после чего добавил:

— Она обронила этот костяной амулет. Я подумал, что он может пригодиться, и сохранил его.

Минну говорил медленно, тщательно подбирая слова. Ложь мешалась с правдой, и он не смел поднять глаз на госпожу.

Чуньлань бесшумно выступила вперёд, забрала костяной амулет и передала его госпоже Цзянь. Та принялась внимательно разглядывать подношение. Крошечные поры, покрывавшие старую кость, выдавали её древность, а исходивший от неё могильный холод не оставлял сомнений в потустороннем происхождении вещицы.

Обычный человек содрогнулся бы от одного прикосновения к подобному кощунству, и лишь неопытный, глупый юнец мог таскать при себе низшую нежить, даже не распознав в ней скверну.

Взгляд госпожи Цзянь вновь переместился на коленопреклонённого юношу. Тот весь натянулся, точно струна, выдавая свой страх с головой. Он был пред ней как чистый лист бумаги, на котором явственно читалось каждое мимолётное чувство.

Наконец госпожа отвела взор и мягко промолвила:

— Что ж, на этот раз тебе помогла счастливая случайность. Твоя преданность спасла Хэ-эра. Не будь тебя рядом, он вряд ли дождался бы помощи...

Минну молча выслушал её слова. Когда он покинул главный зал и обернулся, сквозь узорчатые рамы дверей он всё ещё видел силуэты госпожи Цзянь и Чуньлань. Они стояли неподвижно, напоминающие две сплетшиеся воедино тёмные тени.

Чтобы поскорее вернуться к себе, Минну свернул на узкую, заросшую тропинку. На самом краю зрения вдруг промелькнула белая вспышка. Он резко оглянулся, но позади расстилалась лишь звенящая пустота заброшенного сада.

«Должно быть, померещилось», — подумал он, списывая всё на пережитый страх, и поспешил скрыться в своём дворике.

В последующие дни Минну безвылазно сидел у себя. Из главных покоев не поступало никаких вестей, и это заставляло его тревожиться ещё сильнее. На исходе пятого дня томительного ожидания пришла весть: Цзянь Сюэхэ наконец пришёл в себя.

Едва очнувшись, тот затребовал прислать к нему Минну. Чуньлань передала приказ госпожи: Минну надлежало ухаживать за больным братом.

В прошлой жизни всё складывалось точно так же. Пока он оставался здоров, его неизменно отправляли прислуживать Сюэхэ, по сути низводя до положения раба.

Собираясь в чужие покои, Минну долго не мог решить, куда спрятать костяной амулет. В конце концов он продел сквозь костяной амулет прочную нить и повесил её на шею, спрятав под воротом одеяний.

История незнакомой девицы-призрака, пережившей схожую участь, почему-то не пугала его. Напротив, в его сердце теплилось смутное желание однажды вернуть ей эту вещь. Такое безрассудство, впрочем, усыпило бдительность госпожи Цзянь, и Минну больше не допрашивали.

— Молодой господин, — у порога его встретил Хуайли. Несмотря на то что Минну присылали выполнять самую чёрную работу, личный телохранитель Сюэхэ всегда держался с ним подчеркнуто почтительно. — Молодой господин Хэ уже очнулся. Пожалуйста, следуйте за мной.

Услышав это, Минну на миг замер. Будь его воля, он искушал бы судьбу, лишь бы Сюэхэ как можно дольше не приходил в себя.

Стоило ему переступить порог, как в нос ударил густой, удушливый запах лекарственных отваров, почти заглушивший привычную морозную свежесть, исходившую от хозяина покоев.

В бронзовой курительнице теплились благовония, а за расписной ширмой угадывался знакомый силуэт. Цзянь Сюэхэ сидел в одном лишь белом исподнем. Его бледность пугала — он казался надломленной ледяной ветвью посреди заснеженной равнины, хрупким и столь прекрасным, что от него невозможно было отвести взгляд.

— Брат Хэ, — Минну склонился в вежливом поклоне.

Сюэхэ держал в руках раскрытую книгу. Он скользнул по вошедшему равнодушным взглядом и тут же отвернулся.

— Матушка велела мне позаботиться о тебе, брат Хэ, — Минну послушно опустился на колени на циновку неподалёку.

В прошлой жизни Сюэхэ, едва придя в себя, обычно сразу прогонял его прочь. Минну без устали ухаживал за ним, пока тот метался в бреду, но, очнувшись, молодой господин никогда не выражал благодарности.

— Разотри тушь, — раздался тихий, холодный голос Сюэхэ.

Минну на мгновение замешкался, гадая, не послышалось ли ему. С этой нехитрой задачей мог справиться и Хуайли, к тому же Сюэхэ терпеть не мог, когда кто-то нарушал границы его личных покоев.

И всё же Минну поднялся и подошёл к писчему столу. Чем ближе он подходил к Сюэхэ, тем отчётливее ощущал горький лекарственный дух, исходивший от его тела.

В прошлой жизни ему не раз приходилось прислуживать у писчего стола. Он аккуратно накрошил сухую тушь в каменную ступку, добавил несколько капель воды и принялся медленно, монотонно растирать её.

Стол ломился от древних манускриптов и книг, написанных столь сложным слогом, что от одного взгляда на них рябило в глазах. Сонливость накатил внезапно. Тёмные разводы расплывались в воде, перед глазами всё плыло. Усталость и монотонные движения убаюкали Минну. Рука его ослабла, брусок туши выскользнул из пальцев, и юноша погрузился в глубокий сон прямо у стола.

Едва веки юноши сомкнулись, из-за узорчатой ширмы бесшумным призраком соткался Мэнцю. На его ладони заплескали искры мягкого духовного света, которые он осторожно направил к голове спящего.

Минну давно не видел снов, но в этот раз сознание увлекло его обратно к Горе Лицюань. На его спине по-прежнему покоилась несчастная женщина с обожжённым лицом.

«Молодой господин, отчего ты спас меня?»

В мире грёз, где рушатся любые преграды и обнажается истина, Минну не сумел утаить то, что бережно хранил в глубине души.

Он осторожно переставил ноги, стараясь прочнее удерживать ношу, и тихо прошептал:

«Когда-то у меня тоже было изуродовано лицо. Я слишком хорошо знаю, каково это...»

Он вздохнул и добавил:

«Глядя на тебя, я просто не смог пройти мимо».

«И тебе совсем не страшно?» — вновь спросила она.

Щёки Минну тронул лёгкий румянец. Люди всегда мягче относятся к тому, что находят прекрасным, а лицо этой девушки, не будь на нём ужасных шрамов, наверняка отличалось бы редкой красотой. В своём сне он признался ей без утайки:

«Ты очень красивая. Когда смотришь на кого-то столь прекрасного, весь страх куда-то исчезает».

В наивном представлении Минну, запечатлённом со слов старой няни, красивые люди просто не могли быть жестокими злодеями. Этот образ он бережно хранил в памяти.

Над спящим Минну в воздухе колыхалось тусклое марево его сновидения. Юноша во сне то и дело краснел, точно влюблённый подросток, и картина его помыслов предстала перед наблюдателями во всей своей нехитрой полноте.

Мэнцю созерцал плывущие в воздухе образы с лёгким разочарованием.

— Похоже на обычное совпадение. Этот мальчишка, верно, и женщин-то толком никогда не видел.

Он глуп настолько, что не способен отличить призрака от живой девицы, и уцелел лишь благодаря собственной глупости и неуместной жалости.

— Следов чужой души или насильственного захвата тела я не нахожу, — добавил Мэнцю. — Но скажи, его лицо действительно когда-то горело?

— Никогда, — холодно отозвался Сюэхэ.

Сюэхэ повёл бледной рукой, и на кончиках его пальцев затрепетал тусклый свет духовной силы. Под его воздействием грёзы Минну послушно переменились: лесная тропа осыпалась прахом, а несчастная девушка на его спине растаяла без следа. Вместо неё на дне каменного грота возник израненный Сюэхэ.

Сон должен был показать истинное отношение Минну к брату.

Но Минну во сне даже не шелохнулся. Он лишь безразлично взирал со стороны на то, как жизнь медленно покидает тело Сюэхэ, и оставался безучастным, пока слуги Поместья Цзян укладывали остывающий труп на погребальные носилки.

Мэнцю усмехнулся, уловив суть:

— Что ж, похоже, твой названный брат всем сердцем желает тебе смерти. Что же ты успел с ним сотворить?

Прежде Сюэхэ едва замечал существование этого забитого найдёныша.

Вопрос Мэнцю заставил его мысленно перебрать события последних недель. Месяц назад Минну при каждой встрече глядел на него влажными, просящими глазами, робко искал его внимания и заискивающе звал братом. Теперь же в его душе не осталось ничего, кроме затаённой обиды и глухого страха.

Сюэхэ попытался вспомнить, что могло послужить причиной столь резкой перемены, но так и не нашёл разгадки. Лицо Минну никогда не было обожжено, но слова в его сне звучали пугающе искренне.

Мэнцю не стал настаивать на ответе. Его собственные раны ещё давали о себе знать, а запястье под свежими бинтами неприятно ныло.

— Твой брат чист от скверны. Я сообщу об этом главе ордена, — произнёс Мэнцю, опуская руку.

Магические узоры в воздухе погасли, и сон Минну окончательно растаял в темноте.

— Поразительное безразличие к собственной судьбе, — задумчиво обронил Мэнцю напоследок и исчез в ту же секунду, повинуясь безмолвному зову своего наставника.

Минну очнулся, когда за высокими окнами воцарилась глухая ночь. Он всё ещё лежал, уткнувшись лицом в деревянную столешницу. В покоях было тепло и тихо, но Сюэхэ нигде не было видно.

На щеке Минну остался неровный след от жёсткого дерева. Он сонно огляделся и заметил на самом краю стола тарелку с угощением.

Белоснежные лакомства из клейкого риса, искусно вылепленные в форме ледяных бутонов, источали тонкий, сладкий аромат. Их края были бережно украшены лепестками юйлани.

Минну прежде никогда не пробовал ничего подобного — такие изысканные яства подавали лишь к столу Сюэхэ. Он лишь скользнул по ним голодным, но боязливым взглядом, после чего поспешно поднялся и направился к выходу.

У дверей всё так же преданно нёс стражу Хуайли.

— Уже поздно. Пожалуйста, передай брату Хэ моё почтение. Мне пора возвращаться к себе.

Хуайли молча кивнул, но стоило Минну сделать несколько шагов по тёмному коридору, как телохранитель окликнул его:

— Молодой господин, подождите.

Минну обернулся. В руках Хуайли держал аккуратный свёрток из плотной промасленной бумаги.

— Молодой господин Хэ велел передать это вам.

Сквозь бумагу угадывались очертания тех самых рисовых бутонов. Минну растерянно замер, невольно бросив взгляд в глубину пустых покоев брата.

— Передай брату Хэ мою благодарность, — тихо выговорил он, принимая сверток.

Бумага всё ещё сохраняла тепло. Минну бережно спрятал угощение за пазуху и поспешил к своему дворику.

У самых ворот его встретил взволнованный Ванчунь.

— Молодой господин, слава небу! Я как раз собирался идти искать вас.

— Я принёс вам новые книги...

Разговаривая с ним, Ванчунь краем глаза пытался разглядеть, что Минну прячет под одеждой. Юноша стоял, прижимая руки к груди, но ладони его были пусты.

В соседнем дворе залилась лаем старая чёрная собака. Она яростно рвала зубами брошенный кем-то промасленный сверток, а вокруг в дорожной пыли валялись растоптанные рисовые сладости.

— Молодой господин, вы принесли что-то с собой? — удивлённо спросил Ванчунь, глядя на пустые руки Минну.

— Нет, ничего, — тихо отозвался Минну.

А у самой ограды, в густых ночных тенях, безмолвно растаял белый призрачный силуэт.